

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ
РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ VI.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15.

1864.

О СРЕДНЕ-ВИЛЮЙСКОМЪ УЛУСѢ ВИЛЮЙСКАГО ОКРУГА И О ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ ВЪ НЕМЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

І.

Вилюйскій округъ есть одинъ изъ обширнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ округовъ якутской области. По пространству онъ можетъ уступить только верхоянскому округу; по населенности же уступаетъ только якутскому. Пространство, занимаемое этимъ округомъ, лежитъ въ С.З. сторонѣ отъ Якутска, простираясь на сѣверъ къ Ледовитому океану. Мѣстоположеніе его большею частію низменное; повсюду огромныя массы воды, находящейся почти исключительно въ озерахъ, обширныя болота и мѣстами топи. Рѣкъ вообще очень мало и тѣ большею частію незначительныя.

Число жителей въ вилюйскомъ округѣ простирается до 57,000 человекъ обоюбого пола. Жители по преимуществу Якуты, Тунгусы и отчасти, впрочемъ въ незначительномъ числѣ, и Русскіе. Эти послѣдніе, какъ по языку, такъ и по образу жизни нисколько не отличаются отъ Якутовъ. Тунгусы составляютъ почти десятую часть всего населенія.

Всѣ жители ведутъ большею частію осѣдлую жизнь; бродячихъ очень не много и то по преимуществу Тунгусы.

Весь округъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на четыре улуса, изъ которыхъ самый большой по пространству, но самый меньшій по населенности и самый бѣднѣйшій сравнительно съ другими улусами — есть средне-вилюйскій. Въ немъ всего только до 4,000 жителей.

Такая малочисленность населенія этого улуса рѣзко бросается въ глаза съ перваго взгляда. Чтоже причиной такой малочисленности жителей? Чтобъ положительно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, хотя отчасти, войти въ нѣкоторыя подробности относительно образа жизни инородцевъ, населяющихъ вилюйскій округъ въ особенности.

Главное занятіе и богатство жителей вилюйскаго округа — скотоводство. Хлѣбопашество только въ послѣднее время, благодаря дѣятельному и заботливому содѣйствию начальства, начало по немногу распространяться между иногородцами. Главной причиной этому служитъ то обстоятельство, что изъ числа ихъ хлѣбъ употребляютъ исключительно только богатые, и не какъ необходимое кушанье, а какъ лакомство, въ формѣ простой каши (о способѣ приготовленія каши см. подробно въ статьѣ о пищѣ). Бѣдные же иногородцы хлѣба никогда не употребляютъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого занятія, какъ скотоводство, то, что каждый житель, по количеству скота, изби-

раетъ и мѣсто болѣе удобное для его прокормленія. При этомъ преимущественно заселяютъ покосныя низменные мѣста, болѣею частію находящіяся вблизи озеръ, которыхъ здѣсь такое изобиліе. Кромѣ того, рассчитываютъ на близость разстоянія отъ воды какъ для самихъ себя, такъ и для скота, что особенно необходимо въ зимнее время.

Замѣчено уже, что все почти пространство, занимаемое вилюйскимъ округомъ, болѣею частію низменное, средне-вилюйскій же улусъ, какъ самый сѣверный, ближе находящійся къ Ледовитому океану, изъ всѣхъ прочихъ улусовъ самый низкій. Оттого здѣсь безчисленное множество огромныхъ озеръ, мѣстами болотъ, и проч.; болѣе сухія мѣста покрыты густымъ лѣсомъ, по преимуществу сосновымъ и лиственнымъ. Отсюда то и происходитъ, по всему вѣроятію, то обстоятельство, что недостатокъ хорошихъ покосныхъ мѣстъ не могъ привлечь инородцевъ въ этотъ улусъ, какъ людей, полагающихъ все свое богатство въ скотоводствѣ. Это, какъ я думаю, есть одна изъ главныхъ причинъ малочисленности населенія здѣшняго улуса.

Вотъ бѣглый очеркъ вилюйскаго округа вообще; приступаю теперь къ описанію мѣстныхъ условій, имѣющихъ вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ болѣзней исключительно въ средне-вилюйскомъ улусѣ.

Климатъ здѣсь, какъ и во всемъ округѣ, чрезвычайно суровый: зимой жестокой холодъ выше 40° ; а лѣтомъ непомятый зной. Бываютъ, конечно, дождливыя лѣта; тогда и температура значительно понижается. Вообще лѣто здѣсь чрезвычайно коротко: началомъ настоящаго лѣта можно считать только іюнь мѣсяцъ, а въ маѣ очень часто еще выпадаетъ снѣгъ; съ августомъ же оканчивается и лѣто.

Въ 1860 году лѣто было умѣренное; зной былъ не слишкомъ великъ, впрочемъ въ іюлѣ и іюнѣ было нѣсколько такихъ дней, въ которые жаръ въ тѣни достигалъ до 28° . Время стояло сухое, только въ послѣднихъ числахъ іюля начались частые и обильные дожди. Урожай травъ былъ превосходный, хлѣбъ же болѣею частію посохъ при всходѣ.

Мѣстность повсюду въ средне-вилюйскомъ улусѣ болотистая и даже мѣстами тундристая, на которой вырастаетъ только мохъ, ракитникъ и тому подобное. Земля вообще протаиваетъ не болѣе полуаршина и въ очень немногихъ мѣстахъ до одного аршина. Мѣсть удобныхъ, какъ для хлѣбопашества, такъ и для покосовъ очень немного. Впрочемъ земля вообще очень плодородна. Определить количество процентовъ отъ хлѣба съ точностію невозможно, по той причинѣ, что Якуты собираемый хлѣбъ не вѣсятъ, а употребляютъ сколько понадобится. Да и самая уборка хлѣба происходитъ по мѣрѣ надобности.

Воды въ здѣшнемъ улусѣ чрезвычайно много, находящейся болѣею частію въ озерахъ. Рѣкъ же очень мало; изъ нихъ главнѣйшія слѣдующія двѣ: первая Вилюй, довольно обширная и

чрезвычайно изобильная рыбой, впрочемъ почти вовсе незаселенная; только немногіе инородцы занимаются здѣсь рыбной ловлей, но добываемую рыбу сами въ пищу не употребляютъ, а отправляютъ для продажи. Вторая, самая большая по протяженію, Танара, впадающая въ Вилюй. Но и эта рѣка, къ сожалѣнію, совершенно не заселена, по недостатку покосныхъ мѣстъ. Между тѣмъ переселеніе сюда многобы способствовало къ улучшенію здоровья жителей. На этой то рѣкѣ въ настоящее время выстроены больничные юрты, по указанію якутскаго гражданскаго губернатора. Есть еще нѣсколько небольшихъ рѣкъ, но и онѣ совершенно не заселены.

Озеръ здѣсь особенно много: почти на каждахъ пяти верстахъ можно встрѣтить два, три и болѣе озера; между ними есть огромныя, напр. такъ называемое «Нешели», простирающееся въ длину на 70 и въ ширину на 20 верстъ. Всѣ озера болшею частію илистые или покрытыя травой. Понятно, что и качество воды въ нихъ существенно измѣняется. Такъ есть озера, отъ которыхъ постоянно не только лѣтомъ, но даже и въ теченіи зимы бываетъ гнилой запахъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ такого множества воды и такого качества то, что и самый воздухъ портится, наполняется болотистыми вредными газами, и дѣлается неспособнымъ для настоящаго окисленія крови. Ближайшимъ же и вѣрнѣйшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что въ средне-вилюйскомъ улусѣ почти повсемѣстно господствуетъ болѣзнь, извѣстная подъ именемъ проказы (Lepra). Здѣсь изъ 14-ти наслеговъ нѣтъ почти ни одного, въ которомъ бы не было больныхъ, одержимыхъ этою болѣзнью, главное свойство которой именно и заключается въ дурномъ качествѣ крови и въ незначительной степени ея окисленія.

Замѣчательно еще одно очень важное обстоятельство, которое можетъ служить доказательствомъ сейчасъ высказаннаго заключенія: именно, между больными, одержимыми проказой, чрезвычайно рѣдко встрѣчаются люди состоятельные. Такая, по видимому, странность зависитъ, какъ мнѣ кажется, чисто отъ мѣстныхъ условій. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что все богатство и благосостояніе инородцевъ заключается исключительно въ скотоводствѣ; поэтому люди болѣе богатые занимаютъ пространства болѣе удобныя для скотоводства и въ особенности для покоса: тутъ и мѣста обширнѣе и болѣе открытыя; а бѣднякъ, у котораго все состояніе заключается въ одной или двухъ скотинахъ, занимаетъ мѣсто, какое доведется, болѣе неудобное для покосовъ и самое вредное для здоровья.

Кромѣ упомянутой формы болѣзни, сколько здѣсь встрѣчается другихъ неизвѣстныхъ правительству! Я самъ былъ очевидцемъ подобныхъ примѣровъ: проѣзжая къ мѣсту своего назначенія, я встрѣтилъ въ одномъ наслегѣ въ домѣ старосты

трехъ больныхъ, одну женщину и двухъ дѣвушекъ. У одной болѣзнь продолжалась уже другой мѣсяцъ и достигла высшаго развитія, какъ я замѣтилъ: это было безпамятство, постоянный бредъ, совершенная глухота, и не смотря на все это больная оставалась безъ всякаго пособія. У другихъ двухъ болѣзнь только начиналась, у одной третій день, у другой седьмой. Не имѣя возможности снабдить ихъ нужными лекарствами, я предлагалъ прѣхать ко мнѣ (этотъ домъ находится разстояніемъ отъ моего настоящаго пребыванія только въ 20 верстахъ), но до сихъ поръ не видалъ у себя никого. На вопросъ мой: не лечатъ ли они чѣмъ нибудь больныхъ? мнѣ отвѣчали: «это пройдетъ; нынѣ такое повѣтріе по всѣмъ населегамъ; иные скоро поправляются, а иные долго.»

Такое невниманіе къ больнымъ исключительно происходитъ оттого, что инородцы гораздо скорѣе прибѣгаютъ къ помощи шамана, чѣмъ врача.

Не смотря на высказанное мною мнѣніе о томъ вліяніи, которое имѣетъ на развитіе болѣзней мѣстность и въ особенности вода, я слишкомъ далекъ отъ мысли считать эти условія исключительными въ этомъ отношеніи. Конечно, воздухъ и вода играютъ главную роль въ экономіи организма, и поэтому я ихъ признаю главными, но не единственными въ настоящемъ случаѣ орудіями болѣзненности, встрѣчаемой въ средне-вильюйскомъ улусѣ. Здѣсь много есть и другихъ, поддерживающихъ и усиливающихъ болѣзненность, условій. Сюда надобно отнести: жилища, платье и обувь, пищу и питье, образъ жизни и занятія жителей и проч. О вліяніи этихъ условій на здоровье я буду говорить отдѣльно о каждомъ съ возможною подробностію.

Не могу также умолчать о весьма странномъ повѣртіи, существующемъ не только между инородцами здѣшняго улуса, но даже и въ другихъ округахъ, между людьми болѣе или менѣе образованными. Бывъ еще въ Якутскѣ, я не разъ слышалъ, что въ нѣкоторыхъ озерахъ, около которыхъ живутъ больные Якуты, одержимые проказой, самая рыба подвергается такимъ же язвамъ, какія бываютъ у людей. Спѣшу сказать, что это чистая ложь. Конечно, встрѣчаются довольно часто рыбы съ ранами на хребтѣ и на бокахъ, но это не отъ болѣзненнаго какого нибудь процесса, а просто или отъ укушенія другими рыбами, или же отъ когтей хищныхъ птицъ, наприм. орловъ, которыхъ здѣсь такое изобиліе. Съ такими ранами попадаются даже иногда огромныя мѣлмы, достигающія до двухъ пудовъ вѣсомъ, которыя исключительно живутъ въ большихъ рѣкахъ.

III.

Скотоводство, какъ главное занятіе и богатство Якутовъ, даетъ свой характеръ и самой постройкѣ жилищъ. Обыкновен-

ное жилище есть юрта, изъ тонкаго лѣса, поставленнаго вертикально, и сверху, т. е. снаружи, обмазаннаго коровьимъ пометомъ, смѣшаннымъ съ глиной. Окна и двери чрезвычайно маленькія; лѣтомъ по большей части вмѣсто стеколъ употребляется бумага, или бычачьи пузыри, зимой же во всѣхъ безъ исключенія юртахъ въ окна вставляются чистыя льдины. По стѣнамъ, внутри такой юрты, сдѣланы лавки, которыя въ одно время служатъ и стульями и кроватями. По срединѣ юрты находится постоянно дымящійся чуваль: это нѣчто въ родѣ нашихъ каминовъ, но дѣлается очень просто изъ дерева, внутри обмазаннаго глиной и съ прямой трубой, устроенной такимъ же образомъ. Половъ въ юртахъ никогда не бываетъ.

Рядомъ съ такой юртой бываетъ другая совершенно той же архитектуры, только еще обширнѣе, отдѣляющаяся отъ первой тонкою и рѣдкою перегородкою. Это отдѣленіе зимой исключительно служитъ помѣщеніемъ для скота и называется «хотонъ». Зимой оно нагрѣвается или отъ первой юрты, или, что впрочемъ случается очень рѣдко, въ немъ есть отдѣльный комелекъ. Телята зимой помѣщаются въ жилой юртѣ.

Тепло въ юртахъ поддерживается лишь комелькомъ, во время его топки; поэтому, какъ скоро погаснетъ огонь, то вмѣстѣ съ тѣмъ и температура понижается до 0 и менѣе. Во время же топки неизбежный дымъ, въ особенности при вѣтрѣ. О чистотѣ говорить было бы излишне.

Неизбѣжные спутники такихъ помѣщеній Якутовъ — нечистота, зловоніе отъ скота, постоянно ѣдкій дымъ, сырость и т. п. имѣютъ конечно немаловажное вліяніе на ихъ здоровье.

Постоянное сидѣніе предъ горящимъ комелькомъ въ теченіе всей зимы и потомъ переходъ изъ юртъ на рѣзкій холодъ, лѣтомъ же постоянные дымокуры съ чрезвычайно ѣдкимъ дымомъ — производятъ почти общую болѣзнь — страданія глазъ. Глазныя болѣзни здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагу и очень часто доводится видѣть совершенно слѣпыхъ. Къ сожалѣнію, и противъ этой болѣзни не принимается жителями никакихъ мѣръ.

Въ лѣтнее время жилища тѣже самыя, только скотъ выгоняется въ поле; впрочемъ телята, нечистота и зловоніе остаются по прежнему.

Таковы вообще жилища инородцевъ, не только бѣдныхъ, но и состоятельныхъ.

III.

Въ отношеніи одежды Якуты здѣшняго улуса представляютъ жалкую картину нищеты и неопрятности. Большая часть инородцевъ никогда не употребляетъ самой необходимой и полезной для тѣла одежды — бѣлья. Вмѣсто рубахъ зимой и лѣтомъ носятъ одежду изъ телячьей, грубо выдѣланной шкуры, которая

лѣтомъ замѣняетъ и верхнее и нижнее платье. Дѣти же по большей части остаются безъ всякой одежды какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Въ жаркое время и на работахъ Якуты сбрасываютъ съ себя и это платье и остаются почти совершенно голыми, прикрывая только среднюю часть тѣла такъ называемыми «сэлліями», которыя безъ исключенія носятъ всѣ, мужчины и женщины. Эти сэлліи дѣлаются изъ бычачьей или изъ телячьей шкуръ, шерстью, обращенной къ тѣлу; величина ихъ только что въ состояніи прикрыть дѣтородныя части. Въмѣсто панталонъ и нашихъ исподнихъ употребляется особенный родъ одежды, называемой «сутуро». Это сутуро дѣлается изъ тѣхъ же шкуръ и носится какъ наши панталоны; сверху оно пристегивается къ селліямъ, а внизу завязывается ниже колѣна около обуви.

Бѣлья, какъ я сказалъ уже, почти вовсе нѣтъ; у болѣе состоятельныхъ дѣлаются однако рубахи изъ синей дабы по преимуществу; но эти рубахи надѣваются по какому либо особенному случаю, домаже носятъ очень рѣдко. Кромѣ того онѣ никогда не моются и носятъ до тѣхъ поръ, пока не спадутъ съ плеча; не моются же по очень простой причинѣ, что отъ мытья рубаха скорѣе носится.

Болѣе состоятельные, имѣющіе рубахи, сверху обыкновенно носятъ армяки, большею частію сдѣланные изъ бѣлаго сукна, короткіе, едва достигающіе до колѣнъ и съ большимъ разрѣзомъ назади, до самаго пояса. Зимой и лѣтомъ эта верхняя одежда одна; кромѣ того зимой надѣваютъ подъ армякъ небольшіе полушубки, сдѣланные изъ телячьихъ шкуръ. Другіе же зимой носятъ шубы, сдѣланные изъ оленьей шкуры, обращенныя шерстью къ верху, называемыя «саныяхъ». Болѣе бѣдные въ трескучій сорокаградусный морозъ и выше надѣваютъ двѣ и три телячьихъ шубъ.

Дѣйствительно, надобно удивляться, что при такомъ значительномъ числѣ людей, не имѣющихъ теплой одежды — случаи смертности отъ замерзанія все таки рѣдки. Видно, что человѣческая натура здѣсь не изнѣженная, не легко поддается внѣшнему враждебному вліянію.

Платье у женщинъ такое же, какъ и у мужчинъ; но изъ женщинъ болѣе носятъ дабинныхъ рубахъ и самый армякъ, у болѣе состоятельныхъ, кругомъ обшивается краснымъ сукномъ, шириной у нѣкоторыхъ даже въ ладонь.

Вотъ почти и вся одежда Якутовъ средне-вильюйскаго улуса, да, кажется, и всего округа.

Заговоривъ объ одеждѣ, я не могу умолчать о томъ зрѣлищѣ, которое представляютъ больные во временно-устроенныхъ больничныхъ юртахъ. Почти изъ сорока человѣкъ едва ли найдется у пяти грязная, синяя дабинная рубаха; большая же часть больныхъ покрыта безобразными лохмотьями, которыя представляются какъ бы навѣщанными на больнаго, но отнюдь не покрывающими его тѣло!

Обувь большею частью дѣлается изъ шкуръ, конской, бычачьей и коровьей. Обувь, сдѣланная изъ конской шкуры, называется «сарры», изъ коровьей же или бычачьей носить название «тарбасовъ». Какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ обувь совершенно одинакова. Кожа вообще выдѣлывается чрезвычайно грубо. Такая обувь обыкновенно доходитъ до колѣнъ. Наружной формой ближе всего подходитъ она къ русскимъ бахиламъ, употребляемымъ въ нѣкоторыхъ русскихъ губерніяхъ.

Зимой обувь дѣлается изъ тѣхъ же шкуръ, но большею частью шерстью наружу.

Вмѣсто чулковъ употребляютъ лѣтомъ «каченчи», сдѣланные изъ телячьей шкуры, въ родѣ русскихъ чулокъ; зимой такія каченчи дѣлаются изъ заячьяго мѣха.

На головѣ зимой обыкновенно носятъ мохнатая, острокопечныя шапки съ длинными наушниками. Такія шапки дѣлаются изъ тѣхъ же воловьихъ или телячьихъ шкуръ. У женщинъ шапки, большею частью суконныя, обшитыя бѣличьимъ или даже лисьимъ мѣхомъ; какъ зимой, такъ и лѣтомъ онѣ носятъ одинаково эти шапки. Изъ мужчинъ, лѣтомъ, состоятельные, и то очень немногіе, носятъ русскія фуражки, а бѣдные тѣже мохнатая шапки только безъ наушниковъ. Нѣкоторые же вовсе не употребляютъ шапокъ, а просто или повязываются платкомъ, или и вовсе ничѣмъ не повязываются.

Такой родъ одежды естественно имѣетъ чрезвычайно вредное вліяніе на здоровье инородцевъ, производя всѣ формы накожныхъ болѣзней. Дѣйствительно, здѣсь на сто человекъ, вѣроятно, девяносто страдаетъ какою нибудь накожною болѣзнію. Удивительно ли также, что при ихъ грубой одеждѣ, не смѣняемой до самаго износа, рецидивы всякой болѣзни, въ особенности сопряженной съ отдѣленіемъ матеріи, неизбежны. Возьмемъ на прим. Якута, зараженнаго венерическою болѣзнію, которая такъ обыкновенна во всей Якутской области: послѣ самаго тщательнаго больничнаго леченія, лишь только онъ войдетъ въ свою прежнюю, обычную колею — сейчасъ же образуются рецидивы. Кто будетъ утверждать, что это происходитъ отъ того, или другаго метода леченія?

Накожныя болѣзни здѣсь такъ всѣмъ общи, что ихъ не считаютъ даже и за болѣзнь; тѣмъ не менѣе встрѣчаются всѣ формы сыпей, начиная съ чесоточной и оканчивая этимъ страшнымъ пугаломъ здѣшняго улуса — проказой.

IV.

Пища и питье здѣшнихъ Якутовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. И въ самомъ дѣлѣ трудно вообразить что нибудь отвратительнѣе и вреднѣе для здоровья какъ выборъ пищи, ко-

торую они употребляютъ. Въ этомъ отношеніи они ничуть не выше животныхъ.

Я сказалъ уже, что хлѣбъ употребляютъ исключительно богатые и то какъ лакомство, въ видѣ простой каши. Способъ приготовленія такой каши очень простъ. Обыкновенно берутъ двѣ равныя части молока и воды, кипятятъ и потомъ прибавляютъ муки, послѣ чего опять кипятятъ раза два или три и когда эта смѣсь достигнетъ извѣстной степени густоты, употребляютъ горячую въ пищу.

Главная же пища Якутовъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ состоитъ въ маленькой рыбѣ, называемой «мундушка». Рыба эта величиною отъ $\frac{1}{2}$ до 2 вершковъ и рѣдко болѣе. Въ теченіи лѣта такой рыбы запасаютъ и на всю зиму и потомъ употребляютъ въ пищу различнымъ образомъ приготовленную.

Лѣтомъ самое простое, обыкновенное приготовленіе ея слѣдующее: наливаютъ въ котель воды и кладутъ эту рыбу въ тотъ же котель въ огромномъ количествѣ; все это вмѣстѣ кипятятъ безъ соли, которую инородцы никогда не употребляютъ, и такимъ образомъ приготовленную рыбу употребляютъ въ пищу. Заготовленіе же ея на зиму дѣлается различно: первый способъ тотъ, что мундушка варится въ водѣ, которая выливается; послѣ кипяченія, вареная рыба складывается въ особенныя большія берестяныя посуды и ставится въ амбаръ, гдѣ и остается въ теченіи всего лѣта, получая самый отвратительный, зловонный запахъ; даже появляются черви. Такимъ образомъ приготовленная рыба называется «сыма». Другой способъ, которымъ приготовленная рыба носитъ названіе «агранъ», отличается отъ перваго тѣмъ, что вареную рыбу, отдѣленную отъ воды, складываютъ въ «сору» (вареное квашеное молоко), прибавляя каждый день мундушки и каждый день смѣсь эту промѣшиваютъ. Количество вареной мундушки весьма значительно, такъ что палка, поставленная въ средину этой смѣси, можетъ стоять совершенно прямо. Люди же бѣдные, не имѣющіе сору, варятъ рыбу съ травой, носящей названіе кислицы или съ незрѣлыми ягодами — брусникой, красной смородиной и проч. и сваренную такимъ образомъ ставятъ въ яму.

Третій способъ заготовленія мундушки на зиму есть сушеная или, правильнѣе, вяленая мундушка, подъ названіемъ «хохтушка». Для этого на широкую доску накладываютъ рыбу въ огромномъ количествѣ, доску ставятъ на козлы на вольномъ воздухѣ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока она совершенно высохнетъ.

Второе за тѣмъ по употребленію наиболѣе распространенное кушанье есть «юре». Способъ приготовленія ея слѣдующій: берутъ извѣстное количество свѣжей, или сушеной сосновой коры, которую рѣжутъ на мелкія части, складываютъ въ котель, затѣмъ наливаютъ воды и кипятятъ. Послѣ того, какъ вода вскипитъ, прибавляютъ сымы, или аграна, или хохтушки, предва-

рительно растертыхъ въ порошокъ; вообще же рыбы владется на половину противъ свареной коры; эту смѣсь кипятятъ до густоты жидкой каши и такимъ образомъ приготовленную употребляютъ въ пищу. Болѣе состоятельные варятъ кору на одномъ молокѣ, или пополамъ съ водой.

Это кушанье есть общее у Якутовъ, у бѣдныхъ и богатыхъ.

На зиму запасаютъ сосновую кору обыкновенно лѣтомъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ сосноваго лѣса нѣтъ, сосновую кору замѣняютъ лиственной.

Изъ рыбы еще употребляютъ карасей, гдѣ есть большія рыбныя озера, и щуку, которыхъ большею частію сушатъ, отдѣляя отъ нихъ голову и кости. Приготовленная такимъ образомъ щука называется «юкала».

Говядину и лошадиное мясо, послѣднее предпочтительнѣе между инородцами, употребляютъ при особенныхъ важныхъ случаяхъ, какъ то: при свадьбахъ, похоронахъ, и проч. Случается, что если издохнетъ скотина, то для нихъ праздникъ; даже не только употребляютъ въ пищу дохлый скотъ, но и мертворожденныхъ жеребятъ и телятъ!

Самые богатые убиваютъ въ зиму для себя одну и много двѣ лошади, лѣтомъ же скотъ вообще, безъ особенныхъ случаевъ, никогда не бьютъ.

Кромѣ всего описаннаго, лѣтомъ употребляютъ: кумысъ, кто имѣетъ кобыль, молоко, сору, вареное квашеное молоко; это послѣднее въ теченіи всего лѣта составляетъ главную пищу и питье. Само собою разумѣется, что для питья употребляется также озерная вода.

При описаніи пищи инородцевъ здѣшняго улуса, я съ намѣреніемъ вошелъ въ нѣкоторыя подробности относительно способа ея приготовленія, чтобы съ бѣльшею ясностію можно было судить, какое вліяніе можетъ имѣть такой выборъ пищи на здоровье.

Удивительно ли, что при всѣхъ вышеописанныхъ, положительнѣе вредныхъ условіяхъ, каковы: сырой, болотистый климатъ, почти не воздѣланная и покрытая всюду озерами и болотами почва; воздухъ, наполненный болотными испареніями; грубый и неопрятный родъ одежды; дурное качество озерной и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно гнилой воды; не только не питательный, но даже вредный выборъ пищи — происходитъ то, что едва родившійся ребенокъ носитъ уже въ себѣ зачатки всѣхъ болѣзней.

Изъ сказаннаго объ инородцахъ здѣшняго улуса можно предположить, что главный характеръ ихъ болѣзней скорбутическій, гнилостный; на самомъ же дѣлѣ это предположеніе оправдывается вполне. Да и самая проказа (Лерга), можетъ быть, не есть ли скорбуть въ соединеніи съ другими худосочіями, каковы: лишайное, золотушное, ревматическое, отчасти венерическое и другія?

Правда, проказа здѣсь считается до такой степени зара- зительной, что инородцы, проѣзжая мимо жилища больныхъ въ разстояніи 50 и болѣе сажень, завязываютъ себѣ носъ плат- комъ, чтобъ не дышать этимъ заразительнымъ, по ихъ мнѣ- нію, воздухомъ. И такое убѣжденіе до того распространено не только между инородцами, но и между людьми образованными, что дѣйствительно и я, получивъ предписаніе о командиро- ваніи меня для леченія проказы, не безъ робости пустился въ дорогу. Мнѣ рассказывали еще въ Якутскѣ чрезвычайно много чуднаго и баснословнаго объ этой болѣзни, какъ на примѣръ слѣ- дующій анекдотъ: «одинъ Якутъ, одержимый проказой, будто бы плюнулъ на дерево, послѣ чего дерево это растрескалось и высохло съ корнемъ!» Такіе рассказы невольно вселяли ужасъ въ мою душу. Но съ другой стороны я утѣшался тою мыслію, что все таки эти рассказы происходятъ отъ инородцевъ, которые такъ напуганы проказою, а у страха глаза велики, и что до сихъ поръ ни однимъ врачомъ не только не сдѣлано описанія этой болѣзни, но даже мнѣ не доводилось видѣть описанія быта инородцевъ, съ медицинской точки зрѣнія. И такъ можно думать, что подобныя мнѣнія существуютъ только отъ незнанія свой- ствъ и причинъ болѣзни. Просматривая исторію медицины, та- кихъ примѣровъ мы видимъ не мало. На примѣръ, исторія вене- рической болѣзни можетъ служить яснымъ тому доказательствомъ: тоже было отчужденіе больныхъ отъ міра живаго въ отдѣльные дома; таже боязнь и таже омерзеніе къ страждущимъ этою бо- лѣзнію. Но въ настоящее время, я думаю, не найдется ни од- ного врача, который бы ужасался венерической болѣзни; да и между не врачами ужъ немного такихъ людей, которые смо- трятъ на сифилисъ какъ жеребенокъ на волка!

Впрочемъ до какой степени проказа заразна — поло- жительно отвѣчать на это я теперь еще не берусь, по недостат- ку наблюденій, но думаю что едва ли она такова (Lepros). Что однако она можетъ передаваться наследственно, переходитъ изъ рода въ родъ — это совершенно справедливо. Естественно, что отъ больныхъ родителей не могутъ родиться здоровыя дѣ- ти, и чтобы улучшить ихъ состояніе, нужно строгое выпол- неніе гигиеническихъ и діетическихъ правилъ. А при такихъ условіяхъ, каковы описанныя выше, едва ли какое нибудь врачебное пособіе, тѣмъ менѣе совѣты, могутъ принести малѣй- шую пользу. Можно также думать, что эта болѣзнь здѣсь не новая, что она вѣроятно существуетъ съ самаго начала насе- ленія, и въ настоящее время дѣйствительно представляется въ видѣ страшнаго бича, которымъ истребляется значительная часть народонаселенія. Но вѣдь и всякая болѣзнь, предоставленная самой себѣ, рѣдко проходитъ безъ значительнаго числа смерт- ности, тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ все способствуетъ къ развитію и усиленію ея — и климатъ, и почва и пища и проч. При та-

нихъ условіяхъ, неудивительно, что она достигла тѣхъ ужа-сающихъ размѣровъ и того омерзения къ страждущимъ ею, о которыхъ упомянуто выше.

Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, можно думать, что и самое народонаселеніе вообще едва-ли можетъ идти въ возрастающей прогрессіи; напротивъ, вѣроятно, что оно уменьшается.

V.

Въ отношеніи свойствъ, образа жизни и занятій, главнымъ преобладающимъ элементомъ въ характерѣ Якутовъ замѣчается азіятская лѣнь.

Какъ уже сказано выше, средне-вилюйскій улусъ считается самымъ бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ. Если посмотрѣть пристальнѣе на причины бѣдности, то большею частію, кромѣ мѣстныхъ невыгодныхъ условій, причины эти заключаются въ безпечности самихъ жителей. Такъ, на примѣръ, здѣсь безчислен-ное множество озеръ, дающихъ вредныя испаренія; между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ изъ этихъ озеръ выпустить воду очень удоб-но, стоитъ приложить только небольшое стараніе, тогда на мѣ-стѣ тѣхъ же самыхъ озеръ явятся обширныя поля, и благосо-стояніе Якутовъ этого улуса значительно бы улучшилось.

Въ доказательство этого можно привести Мархинскій улусъ, который прежде считался тоже однимъ изъ бѣднѣйшихъ, а те-перь почти богатѣйшій. Что же причиной такого превращенія? Трудъ и притомъ трудъ незначительный.

Въ сказанномъ улусѣ прежде было огромное озеро подъ названіемъ «Нюрба», длиной въ 30, а шириной въ 10 верстъ. Кому-то пришла счастливая мысль выпустить воду изъ озера; мѣстныя условія для выполненія этой цѣли способствовали какъ нельзя лучше, такъ какъ озеро находилось на горѣ надъ самой рѣкой Вилюемъ, — сдѣлали небольшой прокопъ, и какъ рассказываютъ, черезъ два дня воды уже вовсе не было. На мѣ-стѣ озера явилось обширное, отличное покосное поле, и жи-тели, прежде занимавшіеся исключительно рыболовствомъ, об-ратились къ другому занятію болѣе выгодному — скотоводству. Въ настоящее время селеніе Нюрба есть богатѣйшее мѣсто почти во всемъ округѣ. Между жителями Мархинскаго улуса много найдется даже такихъ, у которыхъ до 500 и болѣе штукъ скота. И этотъ примѣръ подѣйствовалъ на прочихъ до такой степени благотѣльно, что теперь почти нѣтъ ни од-ного озера, у котораго бы не было прокопа въ этомъ улусѣ.

Дѣйствительно, изъ здѣсь много такихъ озеръ, изъ коихъ воду чрез-вычайно удобно выпустить. Я самъ не имѣлъ возможности видѣть весь улусъ; но рассказываютъ, на примѣръ, про мѣсто, называе-мое «Мастахъ», теперь покрытое большею частію водой, что

если изъ него выпустить воду, то это мѣсто будетъ больше Нюрбы чуть ли не втрое. Самое мѣстоположеніе Мастаха чрезвычайно удобно, какъ говорятъ, для прорытія: потребуется двадцать человѣкъ на два дня работы, и только. Но всегубящая лѣнь никакъ не даетъ возможности жителямъ улучшить свое состояніе.

Изъ особенныхъ наклонностей у инородцевъ замѣчательны: любовь къ вину и табаку. Эти наклонности до такой степени сильны, въ особенности къ вину, что Якутъ за водку не пожалѣетъ и послѣдняго состоянія. Въ этомъ отношеніи должно отдать истинную благодарность правительству, что оно не позволяетъ всепоглощающему откупу заустить въ этотъ край свою цѣпкую лапу. Иначе можно сказать утвердительно, что все послѣднее достояніе инородцевъ перешлобы въ руки откупа.

Страсть къ табаку почти въ такой же степени, какъ и къ вину. На все другое Якутъ дорожится каждой копѣйкой, а за фунтъ простаго табаку онъ не пожалѣетъ даже рубля серебромъ. Мнѣ часто случается видѣть, какъ Якутъ найдя табачные окурки, подбираетъ ихъ съ особенною радостью; самый пепель употребляетъ вмѣсто нюхательнаго табаку, а то, что еще имѣетъ признаки крошеннаго табаку, выкуриваетъ съ полнымъ удовольствіемъ посредствомъ особенно устроенной трубки, называемой «орохъ».

Что касается до характера Якутовъ вообще, то они большею частію хитры, пронырливы, лукавы, льстивы, трусоваты; между ними также замѣчается страсть къ воровству, ябедничеству и кляузничеству. Послѣдняя развита до такой степени, что Якутъ, хотя бы самъ былъ во всемъ виноватъ, ведетъ тяжбу въ теченіи десяти и болѣе лѣтъ, чтобъ только поставить на своемъ.

Главнѣйшія же занятія здѣшнихъ инородцевъ слѣдующія:

Скотоводство есть преимущественное занятіе и богатство Якутовъ; но эта промышленность здѣсь въ гораздо слабѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ другихъ улусахъ. Скотъ исключительно конный и рогатый.

Правда, занятіе это можетъ считаться самымъ прибыльнымъ; но съ другой стороны не требующимъ никакого труда. Только въ теченіи лѣта у Якутовъ является легкая забота объ урожаѣ сѣна; но чтобъ способствовать къ лучшему росту травъ искусственно, напримѣръ устраивать плотины, выпустить воду изъ озеръ — этого и въ голову никому не придетъ.

Въ прошедшемъ 1859 году бывшій падежъ скота далъ хорошій урокъ, скотъ пропалъ, можетъ быть, на половину и только въ слѣдствіе недостатка сѣна; случись еще подобный годъ, и самые богатые Якуты должны идти по міру.

Скотоводствомъ занимаются всѣ, и бѣдные и богатые. У богатыхъ страсть къ этому занятію до такой степени велика, что у рѣдкаго найдется 50 руб. сер. деньгами, а скота можетъ

быть до 200 и болѣе штукъ. Конечно, польза отъ скотоводства несомнѣнная, на прим. отъ рогатаго скота въ теченіи цѣлаго лѣта Якуты болѣею частію питаются молокомъ, сорой и проч., кромѣ того готовятъ масло, которое поступаетъ въ продажу, и такъ далѣе. Но мнѣ кажется, что болѣею частію Якуты держатъ въ такомъ множествѣ скотъ еще и изъ тщеславія, ибо нѣкоторые такъ думаютъ, что если есть деньги, то ихъ никто не видитъ, а скотъ видитъ всякій. И здѣсь, да вообще и по всему округу, по количеству скота опредѣляютъ богатство, а естественно, чѣмъ богаче Якутъ, тѣмъ ему и уваженія больше.

Хлѣбопашество здѣсь еще въ младенчествѣ; причины такого пренебреженія столь важной и существенно полезной отрасли хозяйства мною отчасти уже высказаны выше.

Вообще посѣвы здѣсь крайне незначительны: сколько мнѣ ни случалось видѣть и спрашивать объ этомъ предметѣ, я не слыхалъ, чтобы кто нибудь посѣялъ болѣе пяти пудовъ, и это количество сѣютъ очень немногіе. Обыкновенно сѣютъ два пуда, пудъ, полпуда и даже пять фунтовъ!

Другое важное обстоятельство, препятствующее развитію земледѣлія, происходитъ отъ того мнѣнія инородцевъ, что самый сбытъ хлѣба здѣсь почти невозможенъ по дальности разстояній. Но очевидно, это только оправданіе нехотѣнія. Еслибы здѣсь хлѣбопашество было въ настоящемъ своемъ состояніи, тогда опредѣленное число пудовъ пошлобы на потребленіе города, такъ какъ для правительства былобы гораздо выгоднѣе покупать хлѣбъ на мѣстѣ, чѣмъ отправлять его изъ Якутска за 1000 верстъ, что съ перевозкой составляетъ уже двойную цѣну; другая же часть, какъ самая цѣнная для инородцевъ, былабы употребляема ими самими въ гораздо болѣемъ количествѣ противъ настоящаго и съ большою пользою въ гигиеническомъ отношеніи. Тогда, конечно, употребленіе тухлой, дрянной мундушки и сосновой коры значительно бы уменьшилось.

Рыбная ловля составляетъ главное и почти общее занятіе Якутовъ. Ею занимаются и весной и лѣтомъ и осенью, кромѣ зимы. Лѣтомъ ловятъ мундушку въ огромномъ количествѣ, запасая ее на зиму, извѣстнымъ образомъ приготовленную. Осенью по преимуществу ловятъ карасей; но жители рѣдко или почти и вовсе не употребляютъ большихъ хорошихъ карасей: ихъ отправляютъ на продажу, сами же довольствуются самой мелкой рыбой. Весной ловятъ сига, карасей и въ особенности, по вскрытіи озеръ, мундушку.

Ловятъ рыбу болѣею частію мордами или сѣтями. Осенью же нѣкоторые отправляются на рѣку и тамъ ловятъ уже большими неводами.

Но и это занятіе, какъ оно ни легко, необходимо требуетъ хорошей, теплой одежды, въ особенности осенью. Послѣ труда въ холодное осеннее время теплое и опрятное жилище, хорошаго качества питательная пища и возможность перемѣнить

мокрое платье, есть, такъ сказать, *conditio sine qua non*. Отсутствие же всего этого, очень естественно, должно производить тѣ формы простудныхъ и ревматическихъ страданій, которыя очень часто служатъ настоящими причинами смерти.

Въ прежнія времена въ здѣшнемъ улусѣ была въ полномъ развитіи звѣриная ловля; но теперь звѣроловствомъ занимаются очень немногіе, да и то большею частію Тунгусы. Это происходитъ частію еще отъ того обстоятельства, что и число самыхъ звѣрей съ каждымъ годомъ уменьшается. Причины такого уменьшенія звѣрей, мнѣ кажется, много зависятъ отъ того, что ежегодно пускаемые палы на поляхъ, для лучшаго рощенія травы, очень часто переходятъ въ лѣсъ и истребляютъ его на огромномъ пространствѣ. Нерѣдко случается видѣть, что мѣстные пожары продолжаются мѣсяцъ и болѣе. Естественно, что одна часть звѣрей при этомъ убѣгаетъ, другая же и въ особенности дѣтеныши ихъ сгораютъ.

Въ настоящее время здѣсь ловятъ въ незначительномъ количествѣ лисицъ, преимущественно красныхъ, бѣлокъ низкаго достоинства и горностаей. Изъ Якутовъ ловлю лисицъ занимаютъ только имѣющіе хорошихъ лошадей. Соболей почти вовсе нѣтъ. Изъ звѣрей еще изрѣдка убиваютъ медвѣдей и то въ такомъ только случаѣ, когда они наносятъ существенный вредъ. Для этой цѣли собираются иногда цѣлымъ наслугомъ, или по крайней мѣрѣ не менѣе двадцати человекъ. Понятно, что это уже не промыслъ, а оборона.

Для полноты описанія, мнѣ бы слѣдовало сказать съ болѣею подробностью о домашнемъ бытѣ, обычаяхъ, обрядахъ и проч. у Якутовъ. Предметы эти въ высшей степени интересны, но, къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, препятствіемъ къ подробному и тщательному описанію ихъ служить отчасти незнаніе якутскаго языка; съ другой же стороны, я не могъ присмотрѣться, по недостатку времени, ко всѣмъ подробностямъ ихъ быта.

Уже по одному описанію занятій и образа жизни Якутовъ здѣшняго улуса видно, что большую часть времени они проводятъ въ счастливомъ кейфѣ, и дѣйствительно, собственно работа бываетъ только лѣтомъ — во время уборки сѣна. Скотоводство не требуетъ особенныхъ попеченій: доить коровъ, кобылъ, приготовить масло, сору, кумысъ и проч. есть дѣло женщинъ. Лѣтомъ еще занимаются заготовленіемъ рыбы на зиму; но въ сутки сходить одинъ или два раза къ озеру — достать мундушку изъ морды, еще не есть работа; наконецъ, лѣтомъ же занимаются заготовленіемъ на зиму сосновой коры для описаннаго выше кушанья юре. Осенью преимущественно занимаются рыбной ловлей на рѣкѣ, или на озерахъ, изъ которыхъ достаютъ въ значительномъ количествѣ карасей, отправляемыхъ на продажу. Зимой же положительно ничего не дѣлаютъ, ѣдятъ тухлую мундушку, «эре», и проводятъ все время во снѣ, или

сидѣніи предъ комелькомъ. При входѣ въ якутскую юрту, въ особенности зимой, глазамъ, непривыкшимъ къ образу жизни Якутовъ, представляется чрезвычайно непріятная картина: смрадъ, духота, повсюду грязь, зловоніе отъ животныхъ, иногда куча маленькихъ дѣтей, грязныхъ, вагихъ, большею частію покрытыхъ сыпью, ревъ телятъ, смѣшанный съ крикомъ дѣтей, порывистый, съ гортаннымъ акцентомъ, говоръ полунагихъ взрослыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ такой отвратительный хаосъ, что трудно выдержать эту пытку въ теченіи часа, чтобъ немного отогрѣться и напиться чаю.

Якутъ зимой разстается съ своей юртой только при крайней необходимости. Весной, когда начинается оттепель, опять является рыбная ловля, большею частію сѣтями, сига и карасей, а какъ только ледъ вскроется, начинаютъ ловить мундушку, что и продолжается до самой осени.

Не лишнимъ считаю присовокупить, что все сказанное мною относится преимущественно къ средне-вилюйскому улусу. Прочіе улусы я видѣлъ только проѣздомъ, и сколько могъ замѣтить, жизнь тамошнихъ Якутовъ уже нѣсколько приближается къ жизни русской, по крайней мѣрѣ относительно жилищъ. Тамъ у людей болѣе или менѣе состоятельныхъ есть уже русскія избы, изъ коихъ нѣкоторыя довольно опрятны; да и самая одежда гораздо лучше.

Проскураковъ.

1860 г. Лачина,
Средне-Вилюйскаго улуса.
